

The image is a full-page illustration. On the left, a woman with long, wavy blonde hair stands looking towards the viewer. She wears an off-the-shoulder corset with intricate gold and red patterns, and a long red skirt. To her right is the massive, detailed head of a dragon. The dragon has green scales, sharp horns, and a single glowing red eye. Its mouth is open, showing sharp teeth and a pink tongue. The background is a soft-focus landscape with autumn trees in shades of orange and yellow, and a dark sky with stars and a crescent moon. The overall mood is fantastical and dramatic.

Жанна Лебедева

ДРАКОН
ОКТАБРЯ

Жанна Лебедева

Дракон октября

<https://litres.ru/74317102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если тебя выдают за нелюбимого? Надеяться на случай. Или на дракона, который похитит тебя прямо со свадьбы. Главное, чтобы потом этот дракон тебя не сожрал. Но вдруг ты ему понравишься, и он решит заключить с тобой договор? Лучше, конечно, на такое не соглашаться, но другого выхода нет. Придется ввязываться в интриги, выживать и разгадывать тайны собственного прошлого. А если в процессе и любовь найти получится? Посмотрим...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Случайный ритуал	6
ГЛАВА 2. Чужая свадьба	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жанна Лебедева

Дракон октября

ПРОЛОГ

— А ты ничего.

Дракон оглядел меня с ног до головы.

Желтые глаза прожгли насквозь. Зрачки сузились, превратились в черные острия. В человеческом обличье мой собеседник выглядел не менее жутко, чем в истинной животной ипостаси.

— В каком это смысле? – спросила я и попятилась.

Пол башни ожег ступни холодом. Свадебные туфли с подошвой из тонюсенькой кожи совсем не грели.

— Я думал, будет овца или корова. Обычно их в жертву приносят.

Дракон обошел меня по кругу. Принюхался. Затрепетали ноздри на красивом, но холодном лице. В его выражении не было и капли человеческого тепла или понимания.

Ни грамма сочувствия.

Я уже поняла, какую допустила ошибку. Но что мне было делать? Избежать свадьбы с Дорнаном я желала более всего на свете, а за такие желания часто приходится платить...

— В жертву? — Меж лопаток сбежал ручеек холодного пота. — Я думала, что приношу в жертву богине дары...

— Дары? — перебил меня дракон и расхохотался. Эхо его голоса прокатилось под сводами башни, искаженное и пугающее. — Неужели ты думаешь, что жалкая горсть орехов и ягод — это дары, достойные великой Осенней Матери? И даже золото — та жалкая побрякушка, оставленная тобою на алтаре — это не достойный дар.

Мне стало больно, ведь «побрякушкой» был мамин браслет — единственное, что осталось у меня в память о ней. Самая дорогая на свете вещь.

И я отдала ее!

— Я принесла в жертву самое ценное, что у меня было, — сказала я дракону, чувствуя, как в груди поднимается волна возмущения.

— Правильно. — Мой похититель прищурил глаза. В его безжизненном взгляде промелькнуло лукавство. Кажется, ему нравилось издеваться надо мной. — Все правильно! Ты принесла в жертву самое дорогое, что у тебя есть — саму себя.

ГЛАВА 1. Случайный ритуал

— Пожалуйста, Осенняя Мать... — Я положила на гладкий камень горсть орехов, глянцевые каштаны, алые рябиновые ягоды. — Прими мои дары и помоги мне. Даруй избавление...

Это заброшенное место я отыскивала случайно. Осенней Богине в Таргаре давно никто не поклонялся. Благородные тэры и тэрьи ходили в храм Одинокого Бога, однако, простой люд еще помнил четверку старых божеств, как бы с ними ни боролись. Простолюдины проводили свои ритуалы втайне — дома, когда никто не видит, или глубоко в лесных чащах.

Про этот старый алтарь мне рассказала Тива — моя служанка. Она узнала про него от своей бабки, но сама лично в глаза не видела... Все же она дала мне надежду. Последнюю.

Чтобы найти древний камень, затерянный в лесу, мне пришлось перелопатить мамину библиотеку и отыскать ее дневник с записями и картой дремучего леса, окружающего наш замок. И главная загвоздка заключалась в том, что я не должна была себя выдать, ведь если отец узнает про мамину тайную комнату, он запрет мне туда ходить, а книги...

Боюсь, все научные и магические книги он и вовсе уничтожит. Колдовство ведь не поощряется, а мама...

Мама была колдуньей. Теперь я это знаю. Потому что пе-

ред тем, как исчезнуть, она подарила мне ключ от своей библиотеки и оставила записку, в которой просила простить ее и никогда не предавать себя...

— Тэрья Лина! Тэрья Лина! — раздался из-за деревьев тонкий голосок верной Тивы. Она выбежала на поляну и опустилась возле меня на колени. — Отец и жених ищут вас. Скорее...

Над кронами древних дубов и ясеней пронеслась надрывная песнь. Отозвались ей из чащи собаки.

Охотничий рог отца я узнала безошибочно. И звучал он совсем близко. Нельзя выдать место...

Бросив последний полный надежды взгляд на свои нехитрые приношения, я подхватила подол и поспешила за Тивой. В последний миг вернулась, передумав.

— Куда же вы, тэрья? — испугалась служанка. — Если вас тут найдут...

— Я сейчас.

Под рукавом теплого платья из сиреневой шерсти блеснул мамин браслет. Тусклое золото, украшенное символами небесных светил — чередующихся лун и звезд — нагрелось о кожу и будто приросло к ней. Такое родное... Но мне нужно было задобрить Осеннюю Мать чем-то стоящим. Вряд ли найденные наспех орехи и ягоды могли действительно впечатлить ее.

— Но... это же от вашей матушки... — Бездонные глаза Тивы стали круглыми. — Последняя память...

— Тэр Дорнан все равно не позволит мне забрать его и носить. Скажет – ведьмовское. Проклятое. Черное. — Стащив браслет с руки, я вернулась к алтарю и быстро положила его между рябиновой гроздью и аккуратной кучкой фундука. Подумав, на всякий случай прикрыла все упавшими с дуба листьями. – Вот так. А теперь идем.

Конь отца стоял за деревьями, совсем рядом. Огромный, как скала. Чуть поодаль грыз удила огненно рыжий жеребец тэра Дорнана Трейна. Отец и жених спешили возле тонкого ледяного водопада, змеей сползающего со скалы.

— Лина! А мы тебя чуть не потеряли! – воскликнул отец, как всегда бодрый и радостный. – Где ты была?

Он всегда обожал осенние охоты и следующие за ними пышные застолья, когда урожая и зверья еще много. Когда можно позволять себе праздники хоть каждый день.

— Искала поляну с розовыми амарантами, — соврала я на ходу. – Очень хотелось на них взглянуть.

Сказала и осеклась, встретившись глазами с Дорнаном. Он смотрел на меня с недовольством и высокомерием, как на провинившуюся прислугу.

— Юной деве не пристало шататься по лесу одной, — отчитал строгим тоном. – Это неприлично.

Я опустила глаза, промолчала в ответ. Спорить было нельзя – себе дороже.

Под ногами ветер шевельнул сухие листья.

Легкий ветерок осени... А в сердце буря! Я поглядывала

из-под опущенных век на Дорнана и думала, что не хочу подавать ему руки перед алтарем. Не желаю, чтобы он нес меня из храма, сажал рядом с собой за свадебным столом, прикасался, целовал...

И ночью...

О том, что у нас будет брачная ночь, даже подумать было жутко. Ведь жених не рождал в моей душе ни нотки симпатии, ни отголоска того сладостного чувства, которое люди зовут влюбленностью.

Бабочки в животе...

Внутри меня сейчас лишь мертвые осенние листья, сухие и колючие. И все тело сводит от каждой мысли про будущую жизнь в роли покорной и бессловесной жены тэра Дорнана Трейна. Он будет делать со мной все, что захочет. Он из тех мужчин, что считают женщин своею собственностью и ставят вровень со скамейкой или плоской – с безжизненной домашней утварью, нужной лишь для того, чтобы использовать по назначению...

О назначении этом не хотелось и думать!

Тива привела мою кобылу и придержала стремя, помогая взобраться в седло. Отец вновь протрубил в рог, призывая собак. Тэр Дорнан запрыгнул на своего жеребца. С седельного крюка свисали связанные за лапы тушки добытых кроликов и фазанов.

— Погода портится, — сообщил отец. — А в замке нас ждет сытный ужин... — Он хлопнул по шее рыжего скакуна

будущего зятя. — Добрый конь.

— Привезен с востока и стоит своих денег, — не без гордости объявил жених.

А я грустно отметила про себя, что в плане любви даже с этим конем никогда рядом не встану. Его мой муж будет любить и ценить гораздо больше.

Я не придумала все это, нет! Мой страх рос и подпитывался словами и планами на будущее самого Дорнана. Он не скрывал отношения ко мне. Он вполне искренне говорил, что запрет меня в женских покоях с горстью служанок и не позволит ездить верхом. Не позволит гулять по лесу и заводить подруг. Не позволит читать книги — ведь это так опасно и разрушительно для неокрепшего разума молодой жены!

Он говорил все это не мне, но при мне. А я слышала, слышала и ужасалась. Я смотрела на начатый холст, стоящий на мольберте в моей комнате и понимала, что эта картина станет последней, которую я напишу в своей жизни. Да и самой жизни больше не будет — останется лишь существование, пустое и тоскливое, не имеющее никакого смысла.

И все же была у меня одна надежда.

Последняя.

Пожалуйста, Осенняя Мать...

Вечером в большом зале пахло жареным мясом и моло-

дым пряным вином урожая этого года. Виноградники были полны после летней жары. Стол ломился от угощений. Отец хохотал, взмахивал кубком, произнося очередной тост, и требовал от менестреля в третий раз спеть балладу о великом драконоборце прошлого Рингоне Смелом.

Я тенью выскользнула из-за стола и, желая остаться незамеченной, поспешила к себе. По пути хотелось заскочить в мамину библиотеку. Благо, коридор северной башни, где пряталась дверь в нее, был в это время пуст, так как все слуги трудились в главном зале. Тяжелая рама картины, скрывающей мою драгоценную тайну, тускло блеснула кривым завитком, за который надо было потянуть, чтобы...

— Тэрья Лина! Почему вы ушли? Ужин еще не окончился.

Моя ладонь отдернулась от картины. Я вздрогнула всем телом и резко обернулась.

За спиной стоял Дорнан Трейн и сверлил меня взглядом. Его густые брови сходились на переносице в гневном заломе. Темные глаза блестели в вечернем сумраке.

— Устала за день, — ответила я холодно. — Охота меня измотала.

Мне не хотелось с ним разговаривать, а тем более — оставаться наедине. Я мечтала зарыться в книги там, за стеной. Зажечь лампу, закутаться в мягкие тени и припасть к черным вязям на желтых страницах древних фолиантов.

Не получится... Тогда, хотя бы уйти попробую.

Я сделала шаг в сторону лестницы, но жених преградил мне путь и упер в стену ладонь прямо над моим плечом.

— Охота ли? Или все же какой-то колдовской ритуал? — Его губы опасно покривились. — Мне доложили, что вы интересуетесь магией, так же, как и ваша матушка.

— И кто вам такое сказал? — насторожилась я.

О маме шептались... Всегда шептались! Многие.

— Люди, верные мне... Мне казалось, что благородный тэр Халли оградил дочь от порочных интересов вашей грешной родительницы. А теперь, получается, я ошибся. — Дорнан приблизил свое лицо к моему, прошептал угрожающе. — Чтобы я больше не слышал подобного. Вы моя будущая жена, и это означает, что ваша репутация должна стать безупречной. Будущая тэрья Трейн не прослывет ведьмой!

Его рука скользнула по моей груди, потянулась к горлу.

Я выставила перед собой ладонь и уперлась ему в плечо.

— Не смейте, — прошептала тихо. — Не трогайте меня. — Сердце колотилось за решеткой ребер, как пойманная птица. — Отпустите, прошу.

Дорнан улыбнулся кровожадно, блеснул глазами. Похоже, ему нравился мой страх.

Но руку убрал.

— Вы испугались, тэрья? — спросил с видом столь невинным, что я почти поверила, будто он искренне удивлен и во все не издевается. — Не стоило. Я же шучу. — Он отошел от меня, оглядел с ног до головы. — Теперь я вижу, что вы

точно не ведьма. Ведьмы смелы. И дерзки. Вы же трусливы, как лесная лань.

Я не нашлась, что ответить.

С одной стороны, меня злило в нем все, и тон, и голос, и взгляды. С другой, я была скована по рукам и ногам оковами этикета и правил, так что любая дерзость могла обернуться большой проблемой для всех обитателей этого дома. А еще я жалела, что, по большому счету, ведьмой пока являюсь лишь на словах. Ни испепелить, ни заморозить обидчика не могу. Ни семью защитить толком.

Беспомощная...

Бесполезная!

Мама всегда говорила, что магия нужна прежде всего для защиты слабых. Тех, кто надеется на тебя, за кого ты в ответе. Крестьяне, слуги, младшие брат и сестра...

Отец.

Он считает себя сильным и могущественным, но разве это так? Разве вынуждена была бы я выходить замуж за нелюбимого. И такого пугающего...

— Спокойной ночи, тэр Трейн, — выпалила я скороговоркой и, улучив момент, когда на галерее появились слуги с фонарями в руках, улизнула к ним.

Одной из слуг, несущих дополнительные светильники к застолью, оказалась Тива. Она схватила меня за руку, спросила тихо:

— Вы в порядке, тэрья?

— Пока что да, — успокоила ее я. — Идем же в главный зал. Скорее.

Там, среди веселящейся родни и гостей, я осталась до поздней ночи. Терпкого вина и глотка не пригубила. Все смотрела... смотрела во все глаза на жениха, проверяя каждую секунду, там ли он, где только что был? У отцова ли стола? Не движется ли ко мне, чтобы снова потянуть свою руку к моему горлу...

И в тот момент я ненавидела свой страх больше всего на свете. И слабость тоже ненавидела.

После того, как пир закончился, я тенью скользнула за отцом в его покои. Встав у окна, спросила, рассчитывая на честность:

— Почему?

— Что почему, дочь моя? — прозвучал вопрос.

— Почему я должна выходить за него замуж?

— Потому что он сильнее меня...

Это прозвучало с такой искренней печалью, что сердце мое сжалось. Обычно отец храбрился. Улыбался, про какую невзгду ни шел бы разговор. Он говорил, что с каждой горестью можно справиться. Что слезы — не реки, они не льются вечно. Любая проблема решаема.

Так было прежде, а теперь...

Теперь, когда проблема оказалась моею личной, это правило, похоже, перестало работать. И отец, всегда считавший себя могущественным и почти что всесильным, дал слабину.

И признался в этом.

— Сильнее тебя? – Я взяла его за руку. – Ну и что? Зачем нам понадобилась вдруг его сила? У нас тихо, спокойно, враги не нападают. Благодатный край!

— Ты на это взгляни...

Отец перехватил мое запястье и притянул меня к окну, за которым давно погасла вечерняя заря. Лишь слабый отблеск ее вставал над кромкой леса и тушил низкие звезды фиолетовой дымкой. Вдруг из-за деревьев вытянулось нечто черное, острое, двинулось резко – так, что глаз едва уловил, — и пропало.

— Что это? – прошептала я пораженно.

— Зло явилось на наши земли, — грянул над ухом голос отца. – И только человек, верный Одинокому Богу всем сердцем, такой, как тэр Дорнан Трейн, сможет нас защитить.

— Как же он это сделает? – спросила я.

Ночные страхи. Лесные тени. Мгла, подступающая к домам с болот и обретающая формы невиданные и жуткие. В последнее время они стали слишком заметны. Ощутимы. И нечто зловещее крылось в их приближении.

Крестьяне гадали на костях и верили, что этим летом будет неурожай, но его так и не случилось. Наоборот! Хранилища ломились от зерна... И все же тьма пугала. Иногда в ней пропадали люди. Больше никто не гулял по тропам в одиночку. Никто не покидал дома за полночь. И собаки во дворах стали больше. И замки крепче.

Заборы выше.

Все боялись тех, кто может явиться из мрака.

— Он сумеет нас всех спасти, — заявил отец с упрямой уверенностью, так и не ответив — как именно? — И не нужно более задавать подобных вопросов, милая. Ты тэрья земель Арнана, а это значит, что все дороги, поля, хутора, поселки и деревни, — он провел рукой с востока на запад, — от Краснолесья до Золотого дола, находятся под твоей ответственностью. Твой долг оберегать их.

— В браке с Дорнаном? — Я снова попыталась спорить. — Каким образом?

— Будь у меня сын, я бы вложил ему в руку меч и отправил на битву с тьмой, — прозвучало с горечью. — Тебе же суждено стать якорем для достойного мужчины, который взвалит на себя тяжкую ношу заботы о нашем родном Арнана... Все. Разговор окончен. Уходи...

Я отправилась в свои покои, понимая, что любые просьбы и мольбы бесполезны. Все уже решено меж отцом и тэром Трейном. Меня не будут слушать, ведь до моего мнения нет никому особого дела.

Я всего лишь якорь теперь...

Одна надежда на ритуал, и та призрачная. Вдруг Осенняя Мать все же сжалится? Вот только что она сделает? Как ниспошлет мне избавление? Прошьет Дорнана молнией прямо во время принесения брачной клятвы? Отобьет ему память за день до свадьбы? Заставит передумать?

Маловероятно...

Я уже не верила ни в случай, ни в чудо. А в себя...

... в себя еще верила.

Совсем немного.

«Я не стану. Я не позволю ему... Не буду с ним...» —

мысли скакали в голове, как воробьи по веткам. А руки тянули из сундука дорожную одежду. Три унесенных из библиотеки книги я замотала в кусок кожи и убрала в сумку.

План был прост — сбежать под покровом темноты из замка и доскакать до Золотого дола. Там живет моя тетка Агнеса, вдова и затворница. Брошусь к ней в ноги, буду молить приютить меня и не выдавать никому. Стану ей служанкой или сиделкой, если надо. Найду, чем отплатить за милость и покой.

А ночь...

Ночь меня не пугала в тот момент ни звуками, ни холодом, ни жуткими своими обитателями. Все меркло перед высокомерным взглядом Дорнана и его железной рукой у моего горла.

Собравшись, я позвала Тиву и попросила проводить меня через черный ход к конюшне.

— Что вы задумали, тэрья? — испугалась служанка.

— Побег, — честно призналась я, обнимая ее и пряча набежавшие слезы. — И не отговаривай меня, прошу.

— Но там ведь ночь?

— И пусть. — Я показала ей ладонь, на которой плясали

чуть заметные магические искры. — Ночью всегда лучше... Даже получается что-то, видишь? Тени я отгоню...

Спустя минуту мы были у денников, в которых всхрапывали лошади. Мой приход встревожил их. Они будто догадывались, что вскоре кому-то из них придется скакать в неприступную и полную опасностей темноту.

— Вы уверены, Тэрья? — Тива тронула меня за локоть и заглянула в глаза с испугом. — Там же...

— Я все решила. Вот... — протянула ей несколько монет. — Раздай тем слугам, что нас сейчас видели. Пусть забудут. А это тебе... — Я подала цепочку с кулоном в виде золотого листочка. — Когда устроюсь у тети, обязательно тебя заберу к нам. Вот подожди немного...

Но исполнить задуманное мне не дали.

— Куда это вы собрались? — грянуло громом.

В воротах конюшни стоял жених и смотрел на меня так, будто собирается убить прямо здесь, на этом самом месте. Он пришел не один, а с парой воинов из охраны. Они, как конвой, и проводили меня обратно.

По дороге нам встретился отец. Ему уже доложили о том, что я чуть не сбежала, и теперь он был зол. В глазах его, обычно ясных и веселых, зрела буря.

— Прекрати, Лина! Хватит упрямиться и глупить! — выкрикнул он, не сдерживаясь...

До своих покоев я шагала нарочито медленно, будто преступница, приговоренная к казни. Потом за спиной громко

щелкнул замок. Лязгнул ключ, вынимаемый из скважины. Какое-то время Дорнан о чем-то тихо говорил с отцом в коридоре за дверью, но вскоре все стихло.

ГЛАВА 2. Чужая свадьба

Три тоскливые ночи я провела под надзором. Ко мне даже Тиву пускали через раз. Я очень переживала за нее и за книги. Дорнан наверняка уничтожил их – с него станется.

Сам он не говорил со мной больше ни разу. Иногда, правда, я слышала за дверью его шаги. Он подходил и ждал чего-то. Или подслушивал.

Чего он хотел узнать?

Я ведь всегда молчала...

За день до свадьбы жених все-таки появился ко мне. Он велел подобрать лучшие украшения и быть готовой на рассвете, как только солнце поднимется из-за гор.

— Поедем пораньше, чтобы не попасть в бурю на перевале, — объявил он строго. — Я хочу, чтобы церемония началась ровно в полдень. Солнце должно подняться в зенит и осветить алтарь Одинокого через специальное окошко под сводом.

— Для чего? — спросила я без особого интереса.

— Примета такая. — Дорнан прожег меня взглядом. — Чем ярче сверкнут камни-слезы на алтаре, тем покорнее будет после свадьбы жена... — Он ухмыльнулся и добавил довольным тоном: — А книги колдовские я в печь отправил. — Помрачнел. — Не играйте со мною, тэрья. Завтра я стану вашим

мужем и владыкой. И я все помню. Каждый ваш неверный шаг. Каждое дрянное действие. Каждую наглость. Я буду наказывать вас.

Я ничего не ответила – что тут скажешь? Да он и не удивил. Так я себе жизнь с ним и представляла: буду бесправная рабыня у ног хозяина.

Разбудили меня задолго да зари.

Большая бочка в помывочной зале уже исходила душистым паром. Тива принесла масла и притирания. Она поднять взгляд на меня боялась. Пальцы ее дрожали, стискивая деревянный ковш. Горячая вода лилась на мои плечи, обжигая и заставляя ежиться.

— Меня при вас не оставят. Тэр Халли сказал... — Тива всхлипнула и отерла лицо закрученным рукавом. — Как же я без вас? А вы без меня?

— Ты веришь в случай? — задала я свой собственный вопрос.

— В какой? — растерялась бедная Тива.

— В счастливый.

— Хотела бы верить, тэрья. Всею душой! — Служанка отложила в сторону мочалку и присела возле бадьи. Сложила натруженные руки на бортик. — И если бы могла отдать свою жизнь...

— Не нужно, Тива. Ты мне живая нужна, — остановила ее я. Тронула за локоть, решив поделиться сокровенным. Пропшептала: — Мне тут ночью сон приснился. Будто не доехали мы до храма. Не пересекли перевал...

— Что же случилось? – Служанка затаила дыхание.

— Улетела я от нелюбимого жениха.

— Как?

-Не знаю. Просто в воздух подниматься начала, и все внизу осталось. Лошади и люди, как муравьи... Вроде бы просто сон, но вдруг знамение?

Я все еще пыталась поверить в чудо...

А потом были долгие сборы. Платье цвета первой метели. Венец из самоцветов и покрывало на волосах, как иней. На ногах белые же туфельки из нежной кожи. Вся будто снег, которому суждено растаять в ненасытных и жарких чужих ладонях.

Дорнан уже ждал меня возле ворот. На нем сверкали серебряной отделкой красные одежды, и плащ за спиной алел кроваво. А отец, провожающий невесту, был траурно черен, согласно обычаю.

Мужчины поехали вперед, а мне следовало двигаться за ними. С четырех сторон нас окружала охрана. Но это пока мы ехали по широкому тракту. Когда дорога пошла в гору, и над головой поднялся туманной громадой перевал, нам всем пришлось вытянуться вереницей.

Я ехала за Дорнаном и сверлила взглядом его спину.

Серые скалы, обступающие нас, утопали в зелени мхов. Воздух наполнился влагой. Капли оседали на волосах людей и лошадиных гривах. Туман подползал все ближе.

Вскоре мы вынырнули из него, достигнув высшей точки пути, и солнце озарило хребет. Склоны гор переливались в его свете лиловым и розовым. Долина, раскинувшаяся внизу, прорастала далеким городом. Он растворялся в зыбкой дымке, и только огромный храм Одинокого Бога, стоящий чуть ближе к горам, виделся ясно...

Я так залюбовалась открывшимся простором, свободным и необъятным, что даже о свадьбе на миг забыла.

Бесконечное и прекрасное небо манило. Смирно стояли облака. И лишь далекий ястреб, парящий у самого горизонта, разрушал его величественную неподвижность.

Он летел к нам... Не ястреб даже, а какая-то неведомая птица. С каждым взмахом крыльев приближающееся существо увеличивалось в размере и, спустя несколько секунд, стало ясно, что оно огромное.

— О, Одинокий! Что это? — воскликнул отец.

Дорнан хотел ему ответить, но не успел.

Тень накрыла нас, лютая, черная. Свистнуло над головой. Ветер окутал и рванул, сперва вверх — так, что я чуть из седла не выпала, — а потом вниз, заставив уткнуться лицом в лошадиную гриву.

Я успела поднять голову и разглядеть... только когти. Они виднелись отчетливо на поджатых к бронированному брюху

лапах существа...

Монстра!

Он пронесся над нами низко, и скрылся за перевалом, будто не были мы ему вовсе интересны.

Пока что...

Небо снова стало спокойным и чистым, без опасных червоточин. Отец подъехал вплотную и больно схватил меня за предплечье.

— Вот от этого зла Дорнан Трейн будет нас защищать. Видишь теперь? Понимаешь? – выкрикнул в ухо, и голос его был непривычно испуганным.

А я все равно не понимала. Одно дело – тени, но тут. Эта мощь, сопоставимая с ураганом или камнепадом. Такого не возьмет меч – обычный, по крайней мере. Это же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.